

**Игорь Андреевич
ИСАЕВ,**

заведующий кафедрой
истории государства
и права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

СИМУЛЯКРЫ: ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЗАКОНА¹

Аннотация. Автор раскрывает проблему симулякров в законодательном пространстве. Симулякры выступают как умозрительные конструкции власти в политике права, как одна из удачных манипуляций народными массами. Симулякр обладает трансцендирующим характером (у наблюдающего его возникает полное впечатление, что он есть часть симулякра) и технически работает таким образом, что иллюзия всегда воспроизводится. При этом сам человек не может лицезреть и осознавать все масштабы и глубины мнящего симулякра, с помощью которого реализуется властная манипуляция. После технических революций симулякры по-настоящему берут верх над самой историей. Автоматизация и роботизация способствуют данному. Автомат и робот есть два симулякра человека, ускоряющие политико-правовую мутацию самого человека в машину, когда он получает «статус машины». С этого момента власть, хотя и властвует, но превращается в конечном итоге в симуляцию власти. **Ключевые слова:** политика, закон, симулякр, симуляция, политико-правовое пространство, политико-правовая реальность, общество, массы, власть, управление, монополия, господство, правовой порядок.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.030-040

IGOR A. ISAEV,

Head, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Distinguished Lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
kafedra-igp@yandex.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

SIMULACRA: THE VIRTUAL REALITY OF LAW

Abstract. The author examines the problem of simulacra in the legislative space. Simulacra appear as speculative constructs of power in the politics of law, as one of the successful manipulations of the masses. Simulacra have a transcendental nature (the observer has the full impression that he is a part of it), and technically function in a way that always reproduces the illusion. At the same time, the person himself cannot contemplate and comprehend the entire scale and depths of the alluring simulacrum, which is used as part of the power manipulation. After technological revolutions, simulacra really

take over history itself. Automation and robotization contribute to this process. The automaton and the robot are two simulacra of a person that accelerate the political and legal mutation of a human being into a machine, when he receives the "status of a machine." From that moment on, power continues to reign, although it ultimately transforms into simulation of power.

Keywords: *politics, law, simulacrum, simulation, political and legal space, political and legal reality, society, masses, power, management, monopoly, domination, legal order.*

У Х. Л. Борхеса, этого поэта воображаемого, различаются два вида фантастических причинно-следственных связей, существующих в области социального:

- первый — естественный, результат бесконечного множества случайностей;
- второй — логический, ограниченный и прозрачный, где каждая деталь — предзнаменование.

Миром этим управляют чудо плюс воображение. Дедуктивной формой политической науки все же еще отображаются существующие в социальных структурах иерархия и принуждение, даже случай здесь — планируемый и включенный в систему.

Постепенно в рационализированном мире укреплялся монистический и провиденциальный концепт государства — всемогущего центра, организатора, распорядителя, охранителя порядка:

- промежуточные звенья, когда-то соединяющие государство с индивидом, постепенно исчезали;
- интерпретация истории стала представляться исключительно политической историей;
- общество теряло свою реальность вне политических институтов.

Государство обладает только властью, признаваемой его субъектами. Политика поэтому дает символы и невидимые выражения общности для того, чтобы внятно объяснить окружающий мир. Необходимость же в лице социального осуществляет мощное давление на все политические элементы и институции: насильственное принуждение пропитывает весь мир политического, прежде идеалистически ассоциированного с публичностью и свободой.

Политические расслоения и разделения превращают конфликты в неотъемлемый аспект политической жизни, во вполне нормальное явление. Расширяющееся же политическое пространство оказывается способным частично и на время приостановить действие конфликта. На этом фоне активизируется деятельность стабилизирующих идеологий, а идея-правительница возвращает себе доминирующее положение.

Конфликт становится эффективным орудием управления и конкуренции. В сетевом или многополярном мире происходящие события могут быть рассмотрены в самых разных перспективах, для чего создаются разнообразные конструкты этих событий, между которыми разворачивается «идейная» борьба. Крайним случаем и итогом становится чрезвычайное положение или его более масштабный социально-политический аналог — война.

Утопическому сознанию всегда были свойственны довольно наивная мечта об «одомашнивании» техники и промышленности, попытка вписать хозяйство в структуру органического государства или «общности» (так думал Ф. Тённис), стремление сделать технику «конкретной», связанной с «органикой народа», а не с массовой мобилизацией или либеральным индивидуализмом.

В жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность. М. Вебер утверждал, что между юридической нормативной значимостью системы и ее эмпирическим явлением вообще нет каузального отношения². Устанавливаемый институтами порядок, силой вводимый властью, связывается затем с одобрением большинства, чем и обеспечивается его легитимность: консенсус здесь имеет довольно размытую форму, где согласие и насилие уже не имеют четких границ. «В эпоху же абсолютного машинного хозяйства для обладания им должна быть осуществлена и столь же абсолютная принадлежность к власти, и к ее сущности»³. «Внутреннее», индивидуально душевное, столь же безразлично, как и «внешнее»: оба организуются для более четкой работы новых механических приемов.

И тогда на политическую арену выходит «Специалист», полностью подчиненный власти, чуждый всякого сомнения. «Безусловному обслуживанию гигантской машины власти непременно предшествует полное запустение всего, что еще могло бы претендовать на ту или иную истину»⁴. Можно говорить, что «культура», «дух», «нравственность» превращаются лишь в экономические средства для реализации абсолютности власти. Спектакль становится представлением одного актера.

В квазивозвышенном и драматическом стиле конституций XVIII—XIX вв. все еще сохранялись некоторые нуминозные основания права — «мистические самовозвышения имперских администраций прошлого». Источником политически возвышенного являлась правовая система, разворачивающаяся в особого типа театральность.

Еще в XVII в. европейская законодательная и законоцентрирующая власть выставляет напоказ свой догматический потенциал, говоря о праве в качестве некоего «театра истины и справедливости»: «Конституции... стали представлять собой изображения и сочинения по определенному поводу»⁵. Театральная машинерия эпохи барокко предлагала свои сценические приемы той игровой политике, внутри которой уже оформлялись некие новые силы.

Хорошо известно, что, если силы принуждения в какой-то момент концентрируются, институты, предназначенные обеспечить порядок, отделяются от социального целого: «Физически же власть существует как бы для того, чтобы скрыть, что ее нет»⁶. Подобная симуляция нескончаема. Остается фикция политического

² Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 632.

³ См.: Хайдеггер М. Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941). М. : Издательство Института Гайдара, 2019. С. 218—219.

⁴ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М. : Европа, 2008. С. 384.

⁵ Слотердайк П. Сферы : в 3 т. СПб. : Наука, 2010. Т. 3 : Плюральная сферология. Пена. С. 491—492.

⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2015. 240 с.

универсума, его дублирование знаками⁷: информация как товар оказывается более ценной, чем любая другая вещь. Изображая реальность, фикция приобретает реальную власть — знание о предмете оказывается более ценным, чем сам предмет.

Юридическая фикция одной только силой закона тогда превращается в действующую норму. Тем самым «голый технический прием» порождает вполне ощутимые субстанциональные образования — в этом и есть важное свойство симуляции в виде технологической процедуры, конструирующей новую реальность: чтобы придать силу закону, мы обращаемся к суверенитету власти, а уже затем — к закону, чтобы установить самого суверена.

Аргументация, питающая веру в легитимность власти, основанной на праве, всегда исходила из утверждения о легитимности законов, но лишь с момента их вступления в силу. Вступление закона в силу легитимно, если это соответствует предписанной процедуре. Такой круг легитимации обусловлен тем, что источник власти и в широком, и в юридическом контексте — убеждение в ее легитимности⁸. «Фактическое доказывает свою правоту, мысль превращается в тавтологию: чем больше подчиняет себе машинерия мышления сущее, тем большей становятся ее слепота при его воспроизведении»⁹.

Модерн возвратил общество на стадию непосредственного господства. В недрах науки исчезали институты традиционного духовного посредничества, в том числе и право. Наказание и преступление «ликвидируются» методологией как суеверные пережитки, а неприкрытое искоренение противящихся режиму элементов только усиливается: Просвещение как бы отбрасывается вспять, в свою же собственную мифологию.

Машина обретает свою самостоятельность (вполне объективную, но за ней стоит фантом непознанной фигуры нового субъекта).

Воображаемые социальные значения действуют уже не в форме представлений. Это есть промежуток между двумя границами: эффективной и живой организацией жизни и организацией, осмысленной функционально-рациональным образом, — некий «невидимый цемент, удерживающий вместе бесконечный набор рациональных, реальных и символических разрозненных кусочков, из которых состоит всякое общество»¹⁰. *Ratio* не терпит конкуренции, господство разума с самого начала было призвано устранить разного рода аффекты и страсти, это был удар по воображаемому. Однако вместо прежней трансцендентности абсолютов рождалась только новая потусторонность. Парадоксальным образом и в целях своего сохранения воображаемое здесь связывалось с планированием:

- идея — сила, только когда начинает действовать;
- планы — предписания или инструкции для действия (конкретные решения поставленной задачи).

⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 53.

⁸ Ллойд Д. Идея права. М. : Югона, 2002. С. 35.

⁹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. С. 43.

¹⁰ Касториадис К. Воображаемое установление общества в современном мире. М. : Гнозис ; Логос, 2003. С. 161.

Такая планоцентрическая точка зрения определяла план императивом для действия на любом уровне, а воображаемое, со своей стороны, подготавливало посредством планирования почву для своей реализации: почти во всех утопических моделях и системах были представлены специальные органы планирования и регулирования. И это понятно: рационализация почти отождествляется с планированием.

Случай становится планируемым. Люди верят в его безраздельную власть. Само существование — суррогат «смысла и права»¹¹. Описывая подобную ситуацию, М. Хайдеггер использует понятие «махинация» для обозначения бессмысленной рационализации, заменяющей расчет только видимостью расчета. Где бессмысленность приходит к власти благодаря «Вычислителю», жаждущему исчислимости всех вещей, там устранение всех «смыслов необходимо заменить расчетом»¹².

Власть «махиации» — это и есть такой ошибочный расчет, властные сферы «махиации» препятствуют любой ответственности, но назойливо подготавливают видимость ее в формах массового распределения, что в конечном счете подрывает способность принимать конкретные решения. Остается лишь один «шум» — форма самосознания «махиации». Шум есть машина (даже если она и сделана бесшумной)¹³.

Кажется, планируемость и планомерность предельных расчетов и организации исключала случайность и неожиданность. Но такая власть абсолютной организации, основанной на расчете, как раз и «вносит в сущее высвобожденную махинацию и тем самым нарушение в целом, что становится более серьезной причиной возникновения непредвиденного»: опасность случайного кроется в абсолютной власти «махиации»¹⁴. «Псевдорациональность современного мира — только одна из исторических форм воображаемого»¹⁵, и произвольность ее конечных целей очевидна, когда она саму себя полагает в качестве цели, тем самым стремясь к пустой рационализации.

Мир бюрократии автономизирует рациональность, живя в универсуме символов, заимствуя свою субстанцию у рационального или же превращенного в псевдорациональное. Учтем, что всякая форма стабилизации сама по себе уже содержит элементы нестабильности, которые одновременно как способствуют эффективности процесса, так и угрожают самому ходу стабилизации.

Настойчивость в конструировании стабильных и неизменных структур «на века» без учета непредвиденных последствий развития системы не дает надежных гарантий устойчивости при формально-юридическом подходе к проблеме. Право и политика переплетаются здесь во взаимной борьбе и поддержке друг друга. Смещение сфер (или «полей») проявляется в двух видах активности: ситуативной импровизации *ad hoc* и в форме планов на будущее или ретроспективных объяснений.

¹¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Указ. соч. С. 185.

¹² Хайдеггер М. Указ. соч. С. 72—73.

¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 112.

¹⁴ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 43.

¹⁵ Касториадис К. Указ. соч. С. 52.

На закате эпохи модерна исчезновение дистанции между реальным и воображаемым происходит достаточно быстро. Будучи максимальной в утопии, отражавшей сферу трансцендентного и противопоставлявшей ограниченному доиндустриальному миру идеальный альтернативный мир, дистанция перерождается в модель. Модель — не утопия или трансцендентность, не воображаемое относительно реального, а антиутопизация реальности¹⁶. Ж. Бодрийяр настаивает также и на корректировке понятия «утопия». Симуляция действительно исходит из утопичности принципа эквивалентности и устранения принципа референтности¹⁷. Даже абсолютный беспорядок уже нельзя представить без создания некоей модели, подчиняющейся точным правилам. Поэтому «идея-правительница» уже не столько мимикрирует (иначе — риск утраты первоначальной цели), сколько маскируется. Вспомним оруэлловские симулякры «министерства мира», «министерства правды» и т. д., обозначающие полное отсутствие и мира, и правды.

Нормы права и другие предписания закрепляют созданную воображением конструкцию, императивно провозглашают ее реальность и очерчивают границы возможной интерпретации. Все метафизируется в противоположное, и невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Реальность тогда доказывается через воображаемое, «истина через скандал, закон через нарушения, существование работы через забастовку, существование системы через кризис, а капитала — через революцию»¹⁸. Всякое отклонение является легальным основанием для возбуждения негативной реакции системы. В «Процессе» Ф. Кафки один из участников процесса говорит о циркулировании виновности подсудимого в бесконечном повторении циклов и называет это мягким, или условным, вменением.

Для власти даже преступление и насилие — менее серьезные отступления от порядка в силу того, что они не колеблют «действительного распределения реального». Симуляция опасна, так как независимо от своей цели провоцирует сомнения, что «порядок и закон сами могут быть всего-навсего только симуляцией»¹⁹.

Детерминированная власть, действующая в реальном, рациональном, причинно-следственном мире, бессильна перед симуляцией, с ее туманностью, повторяемостью и пустотой. Ж. Бодрийяр пишет: «Право неизбежно приобретает пагубную кривизну»²⁰.

Когда объект требует установления над ним права, с самим объектом что-то не в порядке. Возникновение права на воду, воздух, пространство и пр. — свидетельство о грозящем исчезновении самих этих объектов подобно праву на ответ при отсутствии диалога²¹.

Сама юридическая конструкция жизненных обстоятельств при помощи абстрактных правовых положений не в состоянии адекватно раскрыть практический смысл конкретного правового положения, который с точки зрения правовой логики остается иррациональным. Так считает М. Вебер. То, что в каждом законе

¹⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 216—221.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 15.

¹⁸ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 39.

²⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 131.

²¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 599.

«остается по-настоящему скрытым и невидимым, это и есть сам закон, или — то, что делает эти законы законами, бытие закона в этих законах»²².

Симуляция — это не просто иллюзия. «Симуляция — это фантазм как таковой, это эффект функционирования машинерии симулякра — дионисийской машины. Имеется в виду ложь как власть, Псевдос — в том смысле, в каком Ницше говорит о высшей власти лжи. Вырвавшись на поверхность, симулякр повергает То же Самое и Подобное, модель и копию ниц перед властью лжи (фантазма). Симулякр делает невозможной никакую упорядоченную сопричастность, никакое четкое распределение, никакую устойчивую иерархию. Симулякр основывает мир кочующих (номадических) распределений и торжествующей анархии»²³.

Искусственное и симулякр антагонистичны. И это похоже на то самое классическое различие (подмеченное К. Мангеймом) между идеологией и утопией:

- фантастическое оказывается где-то в промежутке между формальной символической структурой и реальностью;
- воображаемое, которое питает политическую идею, всегда базируется на реальном.

Инфернальность симулякра создает эффект целого. То, на что он претендует (объект, качество), добивается хитростью, агрессией, ниспровержениями. Сам симулякр строится на несоответствии и на различии, он уже несет врожденное несходство внутри себя: это — образ, лишенный сходства. Ж. Делёз приводит теологический аналог: Бог создал человека по своему подобию; согрешив, «человек утратил подобие, но сохранил образ. Мы превратились в симулякр, отрекшись от нравственного существования в пользу существования эстетического»²⁴. Технологии (образцы передового мышления и технической практики) материализуют в себе культурное воображаемое и эстетизированную фигурацию.

Проблема заключается не в том, чтобы в условиях виртуальности различать сущность и явление. Когда обнаруживается, что «король-то голый», король исчезает вовсе: власть всегда должна обладать убедительной видимостью, для того чтобы совсем не исчезнуть.

То, что по-настоящему противостоит симуляции, — вовсе не реальное, которое является только ее частным случаем, это — иллюзия. Реального в мире все больше и больше, оно производится с помощью симуляции: здесь умерщвление иллюзии мира осуществляется ради абсолютной реальности мира. Иллюзия же мира — только способ, которым вещи «выдают себя за то, что они есть, тогда как их на самом деле вообще нет: но в этой кажимости вещи и являются тем, за что они себя выдают»²⁵.

В симуляции, в системе смысла, расчета и эффективности, включающей «все наши технологические ухищрения вплоть до нынешней виртуальной реальности», иллюзия знака замещается его операциональностью. «Счастливая неразличимость истинного и ложного, реального и нереального уступают место симулякру,

²² Арендт Х. Указ. соч. С. 600.

²³ Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. С. 341.

²⁴ Делёз Ж. Указ. соч. С. 334.

²⁵ См.: Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М. : Рипол-Классик, 2019. 349 с.

который освещает злосчастную неразличимость истинного и ложного, реального и его знаков»²⁶: фантастическое только «смягчает» жесткость реального, формируя представление о едином целом, солидарности и взаимодействии.

В утопии призыв возвращения к золотому веку парадоксально близок стремлению к новизне и разрыву с прошлым. Воображаемое начинает воображать себя реальностью вполне серьезно. Иронический аспект утопического улетучивается.

Культура, которая прежде была настоящим механизмом «распределения симулякров», уступает место принудительному разделению реальности и смысла:

- единственная суверенность заключена в господстве кажимостей;
- единственное согласие — в коллективном распределении иллюзии и тайны.

Способ проявления иллюзии есть сцена, способ проявления реального — общенность. Явление и процесс обладают феноменом фасцинации и таким образом бесконечно порождают себя. Причина тому в их натуральности: «Только искусственное может устранить эту недифференцированность... Нет ничего хуже более подлинного, чем подлинное»²⁷.

По Ж. Бодрийяру, подобная интерпретация подводит нас к следующему:

- «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину — это сама истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр — это действительность»;
- «Симулякр — “копия”, не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности»²⁸.

Симуляция — порождение моделей реального. Симулякры совмещают реальное со своими собственными моделями симуляции: различие между реальностью и моделью исчезает, и операциональная копия заменяет собой реальность, убивая ее смысл, шарм, глубину, энергию.

Наступает эпоха гиперреальности. «Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство»²⁹.

Вместе с виртуальной реальностью и всеми ее последствиями человек подходит к крайности техники и технологии как экстремальному явлению. Все манипуляции виртуальности с миром — самая настоящая парадоксальная фантазмагория: «Мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть и одновременно скрыть это»³⁰. Власть, воображающая собственные пределы или беспредельность, в качестве означающего в этой ситуации всегда рискует полностью потерять реальные представления о действительном и погрузится в мир знаков и условностей.

«Идея-правительница» имеет надежного носителя. «Персонализация — вот ключевой предмет забот при разработке умных устройств, не в смысле приспособления технологий пользователями к своим практикам, а в смысле распознавания

²⁶ См.: Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства.

²⁷ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : Рипол-Классик, 2017. С. 69.

²⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 5 ; Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 113.

²⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 7.

³⁰ Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. С. 18.

самими технологиями своих пользователей и соответствующего приспособления к ним»³¹. Симбиоз возможен по линии «машина — человек» и по инициативе машины, вторгающейся в гуманитарное пространство.

Телесный чувственный контакт и магическая действенность оказываются неразрывно переплетены, телесная чувственность и жизненность, скрытая в вещах, становятся весьма важными в случае проектирования человекоподобных машин: воплощенность, эмоция и общение считаются обязательными для придания человечности машинам и роботам.

Начиная с XVIII в. делались неоднократные попытки синтеза искусственных форм жизни, подобных человеческой. Эти современные симулякры позволяли человеку и машине быть взаимными образцами друг для друга. В форме механистической физиологии функционирования человеческого тела шло также развитие аппаратов и технических средств и, что еще важнее, автоматического принципа в области технологий:

- человекоподобные машины превращались в техническую фигуративность самого человека и его антропоморфной сферы общения;
- неважно, что есть сам по себе человек или вещь, главное — этот субъект оказывается в сети социальных отношений.

Мы вступаем в совершенно новый виртуальный мир. Тот же Ж. Бодрийяр смотрел на это с пессимизмом: «Кибернетический контроль, порождающие модели, модуляция отличий, обратная связь, запрос/ответ и т. д. — такова новейшая операциональная конфигурация (промышленные симулякры были всего лишь операторными). Ее метафизический принцип (бог Лейбница) — бинарность, а пророк ее — ДНК»³².

Социальный контроль, осуществляемый через цель (т. е. диалектическое предвидение, которое и заботится о достижении этой цели), заменялся социальным контролем через предвидения, симуляцию, опережающее программирование и регулируемое кодом мутацию: вместо пророчеств — зафиксированная программа. В области искусственного интеллекта организация и значение человеческого действия определяются стоящими за ними планами³³, а рационализация мышления и целеполагания способствовали распространению технических методов на всю сферу социального и политического.

Социальное и политическое соединяются в процессе оформления юридического: социальные требования и политические возможности, для того чтобы реализоваться, вынуждены прибегать к созданию искусственной формы в виде законов и предписаний — вторичной (символической) реальности. «Сетевое общество, будучи гетерархически ориентированным, фактически порождает новую правовую таксономию»³⁴.

³¹ Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек — машина: планы и ситуативные действия. М. : Элементарные формы, 2019. С. 323.

³² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 126.

³³ Сачмен Л. Указ. соч. С. 93.

³⁴ Мажорина М. В. Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 3. С. 46.

Дискурс манипулирования возникает на фоне рождения новой тайны власти, скрытой в уничтожении самой сцены власти, в монополизации речи (появление «молчаливого большинства»). Симулякр демократии у Ж. Бодрийяра — субституция божественной инстанции инстанцией народа как источника власти и власти как эманации властью, как репрезентаций. Приходит время «антикоперниковской революции»:

- больше нет трансцендентальной инстанции, ни солнца, ни источника света, власти и знания;
- все исходит от народа и возвращается к нему³⁵.

Впредь универсальный симулякр манипуляции проявляется везде, где власть реализуется: от сценария всеобщего избирательного права и до состояния «химер опросов общественного мнения».

Жесткость правового регулирования, хотя бы и иллюзорно, смягчается в форме так называемого мягкого права. Дескриптивность, сменяющая здесь императивы, отнюдь не предполагает уклонения от поставленной цели или ее замены. Непрямое, «обволакивающее» воздействие только захватывает более обширное пространство, расширяет правовое поле, меняется масштаб регулирования. Подобный подход инспирирован прежде всего сетевым характером самих объектов регулирования, их распыленностью в пространстве и времени. Вырастающий из недр своего предшественника модерн — настоящий нигилизм, если оценивать его с традиционной правовой точки зрения.

Идеократическое государство и «идея-правительница» отождествляют человечество и право. Это конец метафизического разрыва между законностью и справедливостью.

Принцип динамизма законов, выражающий движение, делает позитивные законы и действия отдельных субъектов малозначимыми в сравнении с «воплощенным в человечестве» правом: живая жизнь и живое право противопоставляются позитивному нормативизму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — 257 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М. : Добросвет, 2000. — 389 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. — М. : Постум, 2015. — 240 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Совершенное преступление. Заговор искусства. — М. : Рипол-Классик, 2019. — 349 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. — М. : Рипол-Классик, 2017. — 288 с.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
8. *Делёз Ж.* Логика смысла. — М. : Академический проект, 2011. — 472 с.
9. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М. : Европа, 2008. — 516 с.
10. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества в современном мире. — М. : Гнозис ; Логос, 2003. — 480 с.

³⁵ См.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция.

11. *Ллойд Д.* Идея права. — М. : Югона, 2002. — 416 с.
12. *Мажорина М. В.* Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3. — С. 34—48.
13. *Сачмен Л.* Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. — М. : Элементарные формы, 2019. — 479 с.
14. *Слотердайт П.* Сферы : в 3 т. — СПб. : Наука, 2010. — Т. 3 : Плюральная сферология. Пена. — 923 с.
15. *Хайдеггер М.* Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941). — М. : Издательство Института Гайдара, 2019. — 514 с.
16. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. — 312 с.